

СЕРИЯ

Кому принадлежат машины

Все материалы серии в одном документе, в порядке чтения. Обновлено: 17 ноября 2026 года.

Кому принадлежат машины, энергия и данные, и кто рискует остаться за бортом. Сначала проблемы, затем решения на проверке, в том числе в странах, где идёт война. Серия завершится колонкой мнения.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Кому принадлежат машины? Проблемы: капитал, труд, энергия, вода
2. Кому принадлежат машины? Решения, и кто остаётся за бортом

Кому принадлежат машины? Проблемы: капитал, труд, энергия, вода

Примечание о прозрачности: этот материал подготовлен с помощью Claude, модели искусственного интеллекта компании Anthropic. Anthropic — одна из компаний, участвующих в описанной ниже инвестиционной гонке, и, следовательно, одна из заинтересованных сторон.

КОРОТКО

- Горстка крупных технологических групп планирует потратить в 2026 году почти 700 млрд долларов на центры обработки данных, чипы и энергию. Выручка растёт гораздо медленнее расходов.
- Рыночная власть сосредотачивается в немногих компаниях. В наиболее уязвимых профессиях замедляется найм, а молодые выпускники вузов находят меньше работы, соответствующей их образованию.
- Гонка поглощает энергию, минералы и воду — в мире, где каждый четвёртый человек до сих пор не имеет безопасной питьевой воды.
- Сильнее всего она бьёт по тем, у кого меньше сил: по малому бизнесу, бедным странам, странам, охваченным войной. Это первый из двух материалов: здесь проблемы, во втором — решения, проверенные на прочность.

ВОПРОС

Свободная конкуренция работает, пока конкуренты могут оставаться на рынке. Транснациональная корпорация распределяет издержки на огромные обороты, оптимизирует каждый этап цепочки поставок и может годами продавать ниже себестоимости. Малое предприятие — нет. Политики приветствуют крупные компании, потому что те сразу приносят то, что им нужно: рабочие места, рост, налоги. Счёт приходит позже — в закрывающихся магазинах и пустеющих торговых улицах.

Искусственный интеллект всё это ускоряет. Прежние промышленные революции давали целым поколениям время приспособиться, выучиться, сменить профессию. Эта движется быстрее. А тот, кто владеет технологией, энергией и сырьём, которые её питают, получает преимущество, которое другим трудно наверстать.

Этот вопрос касается миллиардов людей. Первый материал смотрит на факты: что происходит и кто рискует остаться за бортом. Второй материал проверяет решения на прочность.

ЧТО ГОВОРЯТ ФАКТЫ

Рыночная власть выросла, но у немногих компаний. Самое цитируемое исследование на эту тему измеряет, насколько американские компании назначают цены выше своих издержек. С 1980 по 2016 год эта средняя наценка выросла примерно с 21% до примерно 61%. Но самое важное в другом: типичная компания свои наценки не повышала. Их повысили немногие крупные группы, которые к тому же отняли долю рынка у остальных (Де Лекер, Экхаут и Унгер, *Quarterly Journal of Economics*, 2020). Исследование касается США; те же авторы находят похожую тенденцию в остальном мире (Де Лекер и Экхаут, *Annual Review of Economics*). Эта оценка оспаривается: другие экономисты повторили расчёт на всех доступных данных и получили более скромный рост, почти целиком сосредоточенный в финансах и страховании. Авторы ответили (Бенкард, Миллер и Юрукоглу, NBER).

Инвестиции опережают доходы. На 2026 год крупные облачные группы пообещали почти 700 млрд долларов инвестиций. В 2025 году их выручка выросла в среднем на 16,5%, капитальные расходы — на 60% (Futuriom). Такие расходы окупаются лишь двумя способами: продуктами, которые рынок пока не покупает в таком объёме, или крупной экономией на стоимости труда. Поэтому два страха, которые звучат чаще всего, «это пузырь» и «он оставит всех нас без работы», не вполне совместимы. Если пузырь лопнет, замена труда замедлится, но придёт финансовый кризис. Если замена удастся, пузырь не лопнет, но счёт оплатит труд. Возможные сценарии мы описали здесь.

Работа: меньше найма, массовых увольнений пока нет. Самое широкое на сегодня исследование — работа Международного валютного фонда и Чикагского университета, охватившая около 700 млн объявлений о вакансиях в 110 странах с ноября 2021 по апрель 2026 года. В профессиях, наиболее подверженных влиянию искусственного интеллекта, число вакансий сократилось почти на 10%. Затем спад остановился, хотя модели стали способнее. Удар сильнее там, где машина может заменить человека, и слабее там, где нужны суждение, ответственность и общение. На зарплатах пока явного эффекта нет (Андо, Кирти, Лин и Ильман, МВФ, Working Paper 2026/220; обзор Policy Edge). Самый тревожный сигнал касается молодёжи: в США 42% выпускников вузов в возрасте от 22 до 27 лет работают там, где диплом не нужен (Федеральный резервный банк Нью-Йорка).

История говорит одно, будущее может сказать другое. Обзор более ста исследований, на который ссылается Валютный фонд, приходит к выводу, что до сих пор технологии создавали больше рабочих мест, чем уничтожали. Но тот же Фонд пишет, что будущая динамика спроса на труд «исключительно неопределённа» (МВФ, Дэн Кац, июнь 2026).

Энергия и сырьё решают, кто победит. По данным Международного энергетического агентства, в 2030 году центры обработки данных будут потреблять более чем вдвое больше электроэнергии, чем в 2024-м: больше, чем сегодня потребляет вся Япония (МЭА, *Energy and AI*). В Европе промышленность платит за электроэнергию в два-три раза больше, чем в США (Марио Драги в Европейском парламенте, 17.9.2024); год спустя разрыв всё ещё составлял примерно два раза (HCSS).

Вода: ресурс, который расходуется дважды. Центры обработки данных используют воду для охлаждения серверов и косвенно — для производства потребляемой ими электроэнергии. Согласно докладу Университета ООН, к 2030 году водный след электроэнергии, потребляемой центрами обработки данных, может достичь 9300 млрд литров в год: столько нужно для минимальных бытовых нужд всех 1,3 млрд жителей Африки южнее Сахары (UNU-INWEH, июнь 2026). Эта цифра включает воду, используемую для производства электроэнергии, а не только для охлаждения серверов, и оценки сильно расходятся в зависимости от того, что считать. Но направление одно и то же. И оно касается мира, в котором каждый четвёртый человек, около 2,1 млрд, до сих пор не имеет безопасной питьевой воды (ВОЗ и ЮНИСЕФ, август 2025). В январе 2026 года тот же институт ООН заговорил об «эпохе водного банкротства»: водоносные горизонты, реки и ледники эксплуатируются сверх их способности восстанавливаться, а глобальное потепление всё усугубляет (UNU-INWEH, январь 2026).

КТО РИСКУЕТ ОСТАТЬСЯ ЗА БОРТОМ

Одни и те же силы бьют не по всем одинаково. Валютный фонд задаётся вопросом, поможет ли искусственный интеллект беднейшим странам догнать остальных. Ответ условный: это возможно, если он снизит стоимость обучения и адаптации в самых слабых экономиках и если эти экономики сумеют превратить его в более производительный труд (Имам и Темпл, МВФ, сентябрь 2026). Пока это возможность, а не тенденция.

Разрыв виден и внутри богатых стран. В 2025 году искусственный интеллект использовали 55% крупных европейских компаний и лишь 17% малых (Евростат). Тот, кто стартует впереди, ускоряется.

И прежде всего он виден в хрупких государствах. Там доступ к безопасной питьевой воде на 38 пунктов ниже, чем в остальном мире (ВОЗ и ЮНИСЕФ). К контекстам крайней хрупкости ОЭСР относит Судан и Йемен, а войну в Эфиопии называет среди тех, что усугубляют нехватку воды (ОЭСР, *States of Fragility 2025*). Это театры, о которых рассказывает этот сайт. Для них гонка искусственного интеллекта и нехватка воды грозят добавиться к войне. Второй материал проверяет решения именно там.

ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ

Если выстроить факты в ряд, они говорят о трёх вещах. Экономическая власть сосредотачивается в немногих компаниях, и искусственный интеллект ускоряет эту концентрацию. Работа пока больше меняется, чем исчезает, но первые сигналы бьют по молодёжи и по профессиям, которые проще всего заменить. А гонка поглощает ресурсы, которые не принадлежат никому в отдельности и принадлежат всем: энергию, минералы, воду. Самые слабые рискуют заплатить дважды, теряя одновременно и работу, и ресурсы.

Есть и предел, который работает в обратную сторону. Экономика безработных не покупает. Крупным компаниям нужны клиенты с доходом. Этого недостаточно, чтобы не дать слабейшим заплатить первыми, но это делает систему неустойчивой, а неустойчивость в истории — тот момент, когда меняются правила.

ЗА ЧЕМ СЛЕДИТЬ

- **Конференция ООН по водным ресурсам, 2–4 декабря 2026 года, Объединённые Арабские Эмираты** (UNU-INWEH).
- **Переговоры ООН о налоговом сотрудничестве, Найроби, 30 ноября – 10 декабря 2026 года** (Eurodad).
- Отчётность крупных облачных групп: если доходы от искусственного интеллекта не догонят расходы, коррекция наступит раньше, чем замена труда.

ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

- Кто платит за воду и энергию, которые потребляют центры обработки данных, и кто решает, где их строить?
- Если технологии увеличивают разрыв между теми, кто стартует впереди, и теми, кто стартует позади, кто его сократит?
- Что происходит со страной в состоянии войны, когда ресурсы, которых ей не хватает, — те же, что нужны машинам?

Источники: Де Лекер, Экхаут и Унгер, *Quarterly Journal of Economics*, 2020 · Де Лекер и Экхаут, *Annual Review of Economics* · Бенкард, Миллер и Юрукоглу, NBER · Futuriom · Андо, Кирти, Лин и Ильман, МВФ, Working Paper 2026/220 · обзор Policy Edge · Федеральный резервный банк Нью-Йорка · МВФ, Дэн Кац, июнь 2026 · МЭА, *Energy and AI* · Марио Драги в Европейском парламенте, 17.9.2024 · HCSS · UNU-INWEH, июнь 2026 · ВОЗ и ЮНИСЕФ, август 2025 · UNU-INWEH, январь 2026 · Имам и Темпл, МВФ, сентябрь 2026 · Евростат · ВОЗ и ЮНИСЕФ · ОЭСР, *States of Fragility 2025* · UNU-INWEH · Eurodad

2/2 · АНАЛИЗ · 17 НОЯБРЯ 2026 ГОДА

Кому принадлежат машины? Решения, и кто остаётся за бортом

Примечание о прозрачности: этот материал подготовлен с помощью Claude, модели искусственного интеллекта компании Anthropic. Anthropic — одна из компаний, участвующих в описанной ниже гонке инвестиций, и, следовательно, одна из заинтересованных сторон.

> КОРОТКО
>
> - Семь решений, которые чаще всего предлагают против концентрации экономической власти, каждое против самого сильного возражения. Каждое уже где-то работает, с измеренными результатами.
> - Больницы, где машина помогает врачу, не заменяя его, граждане, ежегодно получающие долю богатства своей земли, компании, принадлежащие работникам, страна, где почти все работают меньше часов без потери зарплаты.
> - Но почти всегда в местах богатых, небольших или сплочённых. В странах, где идёт война и о которых рассказывает этот сайт, от Палестины до Судана, от Кубы до Венесуэлы, держатся только решения, растущие снизу.
> - И работают они лишь до тех пор, пока кто-то другой не опустит рубильник: тот, кто контролирует наличные, энергию, банки или сеть.

ВОПРОС

Первый материал заканчивался жёсткой картиной: машинами, энергией и данными владеют немногие группы, а тот, у кого меньше силы, рискует заплатить дважды (Кому принадлежат машины? Проблемы). Предлагаемые решения существуют. Вопрос в том, работают ли они, где и для кого.

СЕМЬ РЕШЕНИЙ НА ПРОВЕРКЕ

Для каждого: что оно предлагает, самое сильное возражение, где оно уже работает, чего не хватает.

1. Машина помогает, человек решает и отвечает

Предложение. По закону диагнозы, приговоры, технические подписи, выдача кредитов и применение силы остаются за человеком.

Возражение. Машина, просчитывающая тысячи сценариев, может судить лучше человека. Ограничивать её ради защиты человеческого труда — значит отказываться от лучших решений.

Где это уже работает. Самый убедительный пример — из Швеции, из скрининга рака молочной железы. Исследование MASAI, охватившее около 106 тысяч женщин, сравнило два метода: обычное чтение маммограмм двумя рентгенологами и чтение, при котором искусственный интеллект помогает рентгенологам, а решают по-прежнему только они. С помощью машины нашли на 29% больше опухолей, почти все небольшие и ещё локализованные, без роста ложных тревог (Лундский университет), а нагрузка на врачей по чтению снимков снизилась на 44% (пресс-релиз *The Lancet*, через EurekAlert). Полные результаты, опубликованные в январе 2026 года в *The Lancet*, показывают также на 12% меньше опухолей, диагностированных между двумя скринингами, то есть пропущенных при первом чтении: 82 против 93. Эту цифру стоит читать осторожно: исследование было построено так, чтобы показать, что новый метод не хуже, и по этому показателю разницы недостаточно, чтобы исключить случайность (*The Lancet*, через PubMed). Сами авторы предупреждают, что исследование касается одной страны, одного типа аппаратов и одной системы. Результат не говорит, что машина лучше врача. Он говорит, что врач с помощью машины находит больше опухолей, чем два врача без неё, почти вдвое меньшим трудом.

Право тоже движется в этом направлении. Европейский регламент об искусственном интеллекте требует, чтобы системы высокого риска были устроены так, чтобы человек мог действительно надзирать за ними, а надзирающий был способен распознать склонность чрезмерно доверять машине (AI Act, статья 14). При дистанционной биометрической идентификации никакое решение на основе системы нельзя принять, если его не проверили как минимум два человека (euaiact.com). Но эти обязательства, которые должны были вступить в силу с августа 2026 года, отложены: по соглашению Парламента и Совета от 7 мая 2026 года они начнут действовать 2 декабря 2027 года, а для систем, встроенных в уже регулируемые продукты, — 2 августа 2028 года (Hogan Lovells, через JD Supra). Инструменты управления этими машинами мы описали здесь.

Чего не хватает. Возражение путает расчёт с ответственностью. Машину нельзя судить, нельзя уволить, она не платит за свои ошибки. Правило держится, если человек

действительно решает. Если оно превращается в штамп, который по привычке ставят на предложение машины, оно не держится: мы видели это на войне (Минаб). А европейский регламент исключает военное применение.

2. Облагать налогом там, где действительно зарабатывают

Предложение. Перенести налоговую нагрузку с труда на капитал и ренту.

Возражение. Облагать кого и где? Транснациональные компании декларируют прибыль в тех странах, где им удобно.

Где это уже работает. В сентябре 2024 года Суд Европейского союза закрыл дело, длившееся восемь лет. Он постановил, что Ирландия с 1991 по 2014 год предоставляла Apple незаконные налоговые льготы и что Apple должна вернуть 13 миллиардов евро неуплаченных налогов (ICIJ). За один год ирландская дочерняя компания Apple получила около 16 миллиардов прибыли, но задекларировала как налогооблагаемые лишь 50 миллионов (Channel 4). Решение показывает, что достаточно большой рынок с общими правилами может заставить платить даже самые могущественные компании.

Второй путь открыт сейчас. В ООН ведутся переговоры о рамочной конвенции о международном налоговом сотрудничестве. Её предложили в 2022 году африканские страны, чтобы перенести выработку налоговых правил из ОЭСР, объединяющей 38 развитых экономик, в ООН, где представлены 193 государства (Accounting Times). Переговоры должны завершиться к середине 2027 года, а следующая сессия проходит в Найроби с 30 ноября по 10 декабря 2026 года (Eurodad).

Чего не хватает. Глобальный минимальный налог в 15% должен был решить именно эту проблему. В июне 2025 года G7 согласилась освободить от него американские транснациональные компании, которые будут платить только по правилам США (IBFD); в январе 2026 года это освобождение одобрили около 150 стран (Bloomberg Tax). Остаётся возможность облагать налогом там, где продают. У Европейского союза, где живёт около 450 миллионов человек (Eurostat), есть для этого вес. Цена — американские торговые ответные меры, и именно поэтому до сих пор он решил её не платить.

3. Дать каждому долю богатства

Предложение. Общественные фонды или формы распределённой собственности, дающие гражданам и работникам часть капитала и доходов от него.

Возражение. Ни один предприниматель добровольно не делит накопленное состояние, тем более бесплатно.

Где это уже работает. Ни одна из этих моделей не держится на щедрости. Все держатся на правиле.

На Аляске с 1976 года конституция штата обязывает перечислять не менее 25% роялти от нефти и полезных ископаемых в постоянный фонд (APFC). Фонд инвестирует по всему миру и с 1982 года ежегодно выплачивает денежный дивиденд каждому жителю, независимо от возраста и происхождения (Cato Institute). Основная идея в том, что нефть штата принадлежит всем его гражданам. Ту же идею можно применить к другим общим ресурсам: данным, энергии, сетям.

В Мондрагоне, в Стране Басков, сеть кооперативов, основанная в 1956 году, сегодня объединяет около 71 400 человек и имеет более 11 миллиардов евро продаж (Mondragon, отчёт 2025). Члены кооператива — владельцы предприятия и голосуют на собрании по вопросам стратегии. Когда в 2013 году обанкротился крупнейший из кооперативов, Fagor, 95% из почти 2000 работников, оставшихся без места, трудоустроили внутри сети (Christian Science Monitor). Но у модели есть и пределы: крупнейшие промышленные кооперативы контролируют более ста зарубежных дочерних компаний, сотрудники которых — наёмные работники, а не члены кооператива (Analyse & Kritik, 2025).

В Великобритании закон 2014 года ввёл налоговые льготы для тех, кто продаёт свою компанию фонду, владеющему ею от имени работников. В марте 2026 года компаний в собственности работников было около 2800, а работников-собственников — около 548 тысяч (TLT). Когда в ноябре 2025 года правительство вдвое сократило льготу, приток новых участников замедлился (ACCA). Британский пример подтверждает правило: распределённая собственность растёт, когда её поощряет политика.

Чего не хватает. Фонда, подобного аляскинскому и построенного на доходах от искусственного интеллекта, пока нет нигде. Его можно было бы пополнять налогами на цифровые услуги или платой за использование энергии и общественных данных. Поэтому третье решение зависит от второго.

4. Европа, которая даёт инструменты всем

Предложение. Антимонопольное право, применяемое всерьёз, открытые модели, общественные вычислительные мощности, доступные малому бизнесу.

Возражение. Необходимые инвестиции недостижимы. Европа взяла курс на перевооружение и платит за энергию гораздо больше конкурентов, и это ставит тяжёлую промышленность на колени.

Где это уже работает. Европе не нужно выигрывать гонку самых мощных моделей, чтобы дать инструменты своим компаниям, и кое-что сдвигается.

Общественные вычислительные мощности уже есть. Европейское совместное предприятие по высокопроизводительным вычислениям управляет 19 «фабриками искусственного интеллекта» и 13 связанными площадками, которые бесплатно и индивидуально поддерживают малые компании и стартапы (EuroHPC). Доступ для промышленных инноваций для малых и средних предприятий бесплатный, подключиться можно за два рабочих дня (Bayern Innovativ; LUMI).

Стоимость использования искусственного интеллекта обваливается. По данным ежегодного доклада Стэнфордского университета, запрос к модели уровня GPT-3.5 стоил 20 долларов за миллион обработанных слов в ноябре 2022 года и 7 центов в октябре 2024-го: примерно в 280 раз дешевле за восемнадцать месяцев. Снижение объясняется более эффективным оборудованием и более компактными, но способными моделями, а разрыв между лучшими закрытыми и лучшими открытыми моделями почти исчез (Stanford HAI, AI Index 2025). Строить крупнейшие модели остаётся делом немногих. Пользоваться ими — всё меньше.

Правила конкуренции начинают работать. В апреле 2025 года Европейская комиссия впервые применила закон о цифровых рынках: штраф 500 миллионов евро для Apple и 200 миллионов для Meta (Европейская комиссия).

Энергия тоже может вернуться к гражданам. В финском Эспоо сбросное тепло центров обработки данных Microsoft через сеть централизованного теплоснабжения обогревает дома: оно покроет около 40% потребности вместо угля (Город Эспоо).

Чего не хватает. Возражение об энергии и бюджете справедливо. Российский газ стоил дешевле, и он же был рычагом шантажа: верно и то, и другое. И каждый евро, потраченный на перевооружение, — это евро, который не идёт на вычисления, электросети и обучение (об этом мы пишем в серии «Мир и перевооружение»). Но настоящий узел — тот, что мы видели в первом материале: в 2025 году искусственный интеллект использовали 55% крупных европейских компаний и лишь 17% малых (Eurostat). Разрыв зависит не столько от технологии, сколько от умения превратить её в повседневную работу (European Business Magazine). Инструменты есть. Не хватает людей, которые помогут малому бизнесу ими пользоваться.

5. Малый бизнес: от ниши к сети

Предложение. Сделать ставку на то, что нельзя тиражировать бесконечно: ручную работу, качество, индивидуальный сервис, отношения с клиентом.

Возражение. Это останется крошечной долей. А если все уйдут в ниши, специализации умножатся и предложение превысит спрос.

Где это уже работает. Возражение верное: ниши сами по себе — убежище для немногих. Но у малого бизнеса есть ещё две карты, не зависящие от ниши.

Первая: искусственный интеллект больше всего помогает тем, кто стартует издалека. Самое цитируемое исследование на эту тему проследило за более чем 5000 сотрудников службы поддержки крупной софтверной компании. С ассистентом на основе искусственного интеллекта средняя производительность выросла на 15%. Менее опытные и менее квалифицированные сотрудники стали работать быстрее и качественнее; самые опытные выиграли мало (Brynjolfsson, Li и Raymond, *Quarterly Journal of Economics*, 2025). Машина передала новичкам манеру работы лучших. Малое предприятие, которое не может позволить себе специалиста на каждую функцию, может с помощью этого инструмента приблизиться к тем, кто может.

Вторая карта — сеть. Мондрагон вырос из пяти молодых людей, окончивших профессиональную школу (KIT). Многие малые предприятия, которые в одиночку не могут оплатить специалиста по данным, отдел закупок или цифровую инфраструктуру, могут оплатить их вместе, в консорциуме или кооперативе.

Чего не хватает. Исследование службы поддержки измеряет одну компанию в одной отрасли. И пользуются этими инструментами сегодня в основном крупные компании. Без сетей, консультаций и обучения, рассчитанных на малых, преимущество остаётся у тех, у кого оно уже есть.

6. Политика: кто устанавливает правила

Предложение. Всё перечисленное, по решению правительств.

Возражение. Политикам пришлось бы наступить на ноги тем, кто их финансирует. Очень трудно.

Где это уже работает. Это корень всего, и история показывает, что стена здесь не непреодолимая. Первое в мире обязательное социальное страхование ввёл Бисмарк в

Германии законом о страховании по болезни 1883 года. Он сделал это не из щедрости, а чтобы выбить почву из-под ног социалистов (Smithsonian Magazine). Вслед за Германией все страны Западной Европы приняли хотя бы одну из этих программ (Social Evolution & History). Когда нестабильность угрожает правящим, правила меняются.

И сегодня крупные группы проигрывают в судах. В августе 2024 года американский федеральный судья постановил, что Google незаконно сохраняла монополию в онлайн-поиске (AP, через PBS). Решение по Apple в Европе и штрафы по закону о цифровых рынках идут в том же направлении. А налоговые переговоры в ООН начались по инициативе африканских стран, а не самых сильных.

Чего не хватает. Победы неполные. В сентябре 2025 года тот же судья решил, что Google не придётся продавать ни браузер Chrome, ни Android и она сможет и дальше платить за то, чтобы быть поисковиком по умолчанию (The Register). Правила меняются, когда есть организованное давление: профсоюзы, объединения предпринимателей, граждане, государства, действующие сообща. В Исландии эксперименты с сокращённой рабочей неделей начались именно с кампаний профсоюзов и гражданского общества (Fox 5).

7. Работать меньше за ту же плату

Предложение. Распределять выигрыш от роста производительности, сокращая рабочее время.

Возражение. Если зарплат уже сегодня не хватает на потребности, которые нам внушили, деление заработка никого не устроит.

Где это уже работает. Предложение не требует делить тот же пирог — оно предлагает использовать новую часть, созданную машинами, чтобы оплачивать меньше часов. Так уже было, и это одна из самых успешных экономических историй. В 1870 году работник в богатых странах трудился от 50 до 70 часов в неделю; сегодня — примерно вдвое меньше (Our World in Data). За тот же период реальные зарплаты выросли как никогда прежде.

Это происходит и сегодня. В Исландии в 2015–2019 годах около 2500 работников госсектора перешли с 40 на 35–36 часов в неделю без потери зарплаты. Производительность и качество услуг в большинстве случаев сохранились или улучшились. После эксперимента 86% работающих в стране перешли на более короткий график или получили право на это (Alda и Autonomy). В Великобритании в 2022 году 61 компания опробовала четырёхдневную неделю при той же оплате. Год спустя 54 продолжали её применять, а 31 сделала постоянной (FM Magazine).

Чего не хватает. Эксперименты касаются в основном офисов и госуслуг, и компании участвуют в них добровольно. Когда пытаются сделать это законом для всех, борьба переносится в парламент. В сентябре 2025 года испанский Конгресс 178 голосами против 170 (Народная партия, Vox, Junts и UPN против правительства) отклонил предложение сократить рабочую неделю с 40 до 37,5 часа без снижения зарплаты (El Salto); объединения работодателей опасались слишком высоких издержек для самых маленьких предприятий (Boundless). Это работает, если выигрыш действительно доходит до зарплат, и тут мы возвращаемся ко второму и шестому решениям. Тема внушённых потребностей серьёзна, но это отдельный разговор.

КТО ОСТАЁТСЯ ЗА БОРТОМ: ИСПЫТАНИЕ СТРАНАМИ, ГДЕ ИДЁТ ВОЙНА

Примеры, которые мы видели до сих пор, почти все взяты из мест богатых, небольших или сплочённых: Аляска, Исландия, Страна Басков, Швеция, Финляндия. Это серьёзное ограничение. То, что решение работает там, где уже есть деньги, институты и доверие, не доказывает, что оно работает там, где их нет.

Есть, однако, пример не из богатой страны. В 2016 году Индия построила общественную систему цифровых платежей, бесплатную для граждан: UPI. Сегодня ею пользуются более 500 миллионов человек и 65 миллионов торговых точек (Free Press Journal). Наибольшая польза — для самозанятых, например уличных торговцев (NBER), а система расширила доступ к кредиту без роста невозвратов (NBER). И здесь есть ограничения: в опросе 722 уличных торговцев каждый третий до сих пор не принимает цифровые платежи (ISB, через Mediainfoline). Но страна с доходом ниже среднего дала маленьким инструмент, который раньше был только у больших.

Остаётся самое трудное испытание: страны в состоянии войны или блокады, о которых рассказывает этот сайт. Мы проверили семь решений на шести из них.

Страна	Что держится	От кого зависит
Палестина	цифровые кошельки, прежде всего в Газе	Израиль: налоговые поступления, наличные, банки-корреспонденты
Судан	сети волонтёров	доноры и платёжные каналы
Эфиопия	государственный цифровой кошелёк	государство, единственный оператор
Куба	малые частные предприятия	американская нефтяная блокада и кубинское правительство
Венесуэла	нефтяная рента	США, которые надзирают за выручкой
Сомали	деньги в телефоне	несколько частных компаний

Палестина. Налоги на товары, ввозимые на Западный берег и в Газу, Израиль собирает от имени Палестинской национальной администрации по Парижскому протоколу 1994 года. Это около двух третей доходов администрации (Arab Center Washington DC). С 2025 года Израиль их удерживает: в начале 2026 года, по данным палестинского правительства, было заблокировано около 4,4 миллиарда долларов (WAFA). Заявленных причин две. Министр финансов Израиля Смотрич связал блокировку с волной признаний палестинского государства (J Street). Вторая вытекает из израильского закона 2018 года: каждый год Израиль подсчитывает, сколько администрация выплатила заключённым и семьям тех, кто погиб, совершая нападения, и удерживает ту же сумму. Израиль утверждает, что эти выплаты поощряют насилие; для палестинцев заключённые — борцы за независимость, а их семьи заслуживают поддержки (Reuters, через Gulf News). «Мы не будем переводить средства, которые попадают к террористам», — заявил Смотрич (JNS). В июне 2026 года кнессет сделал часть этих вычетов постоянными (MAS, июль 2026). В Газе банки разрушены, а наличные не поступают. Цифровые кошельки стали способом выжить (The New Arab), но они зависят от израильских банков-корреспондентов, и Израиль допускал возможность отрезать этот доступ (Atlantic Council). Кому нужны наличные, покупает их у посредников с комиссией, доходившей до более чем 50% (The Progressive). Здесь второе решение существует наоборот: налоги собирают, но кладёт их в карман другой.

Судан. На большей части страны государства больше нет (мы писали об этом здесь). Устояли «комнаты экстренного реагирования» — сети волонтёров, выросшие из районных комитетов революции 2019 года (Sigrid Rausing Trust) и организованные в чатах (Social Science in Action). Их около 700, и они помогли примерно 12 миллионам человек (Cordaid). В 2026 году они получили премию Chatham House (The National). Это пятое

решение в чистом виде: сеть снизу, без государства. Но она живёт на пожертвования, а деньги доходят долгими путями и с потерями (ODI, через Polity).

Эфиопия. В 2021 году государственная телефонная компания запустила Telebirr — кошелёк в телефоне. За пять лет число пользователей достигло почти 59 миллионов, и более 16 миллионов человек получили доступ к кредитам банков и микрофинансовых организаций (Capital Ethiopia). Это форма четвёртого решения: общественная инфраструктура, доходящая до малых. Но управляет ею государственная монополия, а построена она на технологиях Huawei (Capacity Media) — в стране, вышедшей из войны и столкнувшейся с новой напряжённостью на границах (мы писали об этом здесь). Кто контролирует сеть, тот решает и то, кто может платить.

Куба. С 2021 года разрешены малые и средние частные предприятия (AFP, через Malay Mail); в сентябре 2026 года их было 10 568, по данным кубанского статистического ведомства (ONEI, через Periódico Cubano). С конца января американская нефтяная блокада многократно умножила отключения электричества и дефицит (Al Jazeera; мы писали об этом здесь), а нехватка топлива затрагивает более 96% этих предприятий (Auge, через Translating Cuba). В июле правительство открыло для частников также аптеки и автозаправки (AFP, через Zeta). Малые предприятия есть. Об энергии решают другие — в Вашингтоне и в Гаване.

Венесуэла. После американской военной операции в январе 2026 года, отстранившей Мадуро, нефтяные санкции ослабили, и экспорт поднялся до максимума с 2019 года (ION Analytics). Исполнительный указ от 9 января регулирует хранение выручки от венесуэльской нефти, которая остаётся под американским надзором (K2 Integrity). Это модель Аляски наоборот: богатство земли есть, но за кассой следит другое государство. Тем временем многим венесуэльцам трудно прокормиться на свою зарплату (NPR).

Сомали (за пределами театров, за которыми мы следим, но показательно). С 1991 по 2009 год в стране не было действующего центрального банка (LSE). Сегодня более 70% взрослых пользуются деньгами в телефоне, тогда как банковский счёт есть лишь примерно у 15% (SIMAD, по данным Всемирного банка). Всё это построили частные телефонные компании, без государства. Но фактически роль банка играет одна из них (Quartz): концентрация возвращается и здесь.

Чему учит испытание. В странах, где идёт война, не запускаются решения, которым нужно сильное государство: налоги, антимонопольное право, общественные фонды, законы о рабочем времени. Держатся те, что растут снизу или идут через телефон: сети волонтёров, малый бизнес, цифровые деньги. Но и они работают лишь до тех пор, пока

кто-то другой не опустит рубильник: тот, кто контролирует наличные, энергию, банки, сеть или кассу. Это вопрос из заголовка, доведённый до предела. Здесь тот, кто владеет машинами, решает, может ли народ платить, работать и есть. Для этих стран искусственный интеллект рискует стать вторым исключением — после исключения войной. А восстановление, когда оно придёт, поставит тот же вопрос: чьим оно будет? Для Газы план, представленный в Давосе в январе 2026 года, делает ставку на иностранный частный капитал, а палестинцы не сидят там, где принимаются решения (Al-Monitor; Al Jazeera; мы писали об этом здесь).

ЧТО ОСТАЁТСЯ СТОЯТЬ

Поставленные в ряд, семь решений — не утопии: каждое где-то работает. Но почти всегда там, где уже были экономическая сила, институты и доверие, или в небольших экспериментах. Испытание странами, где идёт война, делит их на две группы.

Первой группе нужна сила: облагать налогом крупные группы, применять антимонопольное право, создавать общественные фонды, менять рабочее время законом. Это по силам немногим: крупным блокам вроде Европейского союза, государствам с прочными институтами. Вторая может вырасти снизу: кооперативы, сети взаимопомощи, простая общественная цифровая инфраструктура. Они рождались и в нужде: Мондрагон — из пяти молодых людей из профессиональной школы, суданские комнаты экстренного реагирования — в разгар войны, цифровые платежи — в Индии с доходом ниже среднего.

Разделённый мир затрудняет общие правила. Но он затрудняет и единую монополию: Европейский союз ввёл свои цифровые правила в одиночку, Индия построила свою инфраструктуру, ни у кого не спрашивая разрешения. А институты копируются: вслед за Германией Бисмарка за несколько десятилетий вся Западная Европа приняла социальное страхование.

ГДЕ РЕШАЕТСЯ СЕЙЧАС

- **В Найроби, с 30 ноября по 10 декабря 2026 года**, идут переговоры о конвенции ООН о налоговом сотрудничестве. Именно там решится, будут ли прибыли облагаться налогом там, где они создаются, или там, где их удобно декларировать.
- **Европейские фабрики искусственного интеллекта** бесплатно открыты малым и средним предприятиям для инноваций. Об этом мало кто знает.
- **Европейские правила о человеческом надзоре** за системами высокого риска отложены до декабря 2027 года. Есть год, чтобы решить, станут ли они

формальностью или настоящей обязанностью, и это будет зависеть и от того, кто будет их требовать.

НАША ОЦЕНКА

Мы начали эту серию с мрачного вопроса: что будет с работниками и малым бизнесом? Решения не нужно изобретать: они существуют, у них есть имена и адреса. Но они не для всех. Они работают там, где сила уже есть, а тот, у кого её меньше, рискует остаться за бортом дважды: без богатства и без инструментов для самозащиты. В странах, где идёт война, вопрос «кому принадлежат машины» превращается в вопрос «у кого рубильник», и ответ почти никогда не те, кто там живёт. Значит, проблема не техническая — это проблема власти.

Но надежда не исчерпана. То, что держится даже на войне, — сети волонтёров, малый бизнес, платежи через телефон — растёт снизу и стоит недорого. И история показывает, что институты копируются: если они работают в одном месте, рано или поздно их требуют и другие. У того, у кого больше силы, как у Европы, есть дополнительный долг: не только использовать её для себя, но и не опускать рубильник другим.

ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

- Если машина ошибается в диагнозе, приговоре или цели, кто отвечает?
- Может ли Европа использовать вес своего рынка, чтобы заставить платить тех, кто продаёт её гражданам, даже ценой торговой войны?
- Почему до сих пор нет общего фонда, пополняемого доходами от искусственного интеллекта, как аляскинский — от нефти?
- Кто помогает малому бизнесу пользоваться уже существующими инструментами?
- Когда Газу, Судан или Украину будут восстанавливать, кому будет принадлежать построенное?

Источники: Лундский университет · пресс-релиз *The Lancet*, через EurekAlert · *The Lancet*, через PubMed · AI Act, статья 14 · euaiact.com · Hogan Lovells, через JD Supra · ICIJ · Channel 4 · Accounting Times · Eurodad · IBFD · Bloomberg Tax · Eurostat · APFC · Cato Institute · Mondragon, отчёт 2025 · Christian Science Monitor · Analyse & Kritik, 2025 · TLT · ACCA · EuroHPC · Bayern Innovativ · LUMI · Stanford HAI, AI Index 2025 · Европейская комиссия · Город Эспоо · Eurostat · European Business Magazine · Brynjolfsson, Li и Raymond, *Quarterly Journal of Economics*, 2025 · KIT · Smithsonian Magazine · Social Evolution & History · AP, через PBS · The Register · Fox 5 · Our World in Data · Alda и Autonomy · FM Magazine · El Salto · Boundless · Free Press Journal · NBER · NBER ·

ISB, через Mediainfoline · Arab Center Washington DC · WAFA · J Street · Reuters, через Gulf News · JNS · MAS, июль 2026 · The New Arab · Atlantic Council · The Progressive · Sigrid Rausing Trust · Social Science in Action · Cordaid · The National · ODI, через Polity · Capital Ethiopia · Capacity Media · AFP, через Malay Mail · ONEI, через Periódico Cubano · Al Jazeera · Auge, через Translating Cuba · AFP, через Zeta · ION Analytics · K2 Integrity · NPR · LSE · SIMAD, по данным Всемирного банка · Quartz · Al-Monitor · Al Jazeera

---

N3R1-70 — I Will Not Look Away — Онлайн-версия: https://iwillnotlookaway.org/s/ru/series-who-owns-the-machines-full-text.html